

Раздел 1 ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

УДК 72.01

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «МЕСТО»

Белова О.В.

старший преподаватель, кафедра «Дизайн архитектурной среды», БНТУ

Автором статьи проведен анализ сферы и границ использования понятия «место», а также истоки становления научного интереса к данному теоретическому концепту. Само понятие «место» рассматривается как сложный междисциплинарный концепт, дающий широкие возможности для понимания связей человека и мира.

Введение. Эта статья является ответом на, несомненно, возрастающий интерес в архитектурной теории к такому понятию как «место». На данный момент этот термин все чаще встречается в профессиональной лексике отечественных архитекторов, а так же в публицистических материалах, связанных с архитектурной тематикой. Необходимо отметить что, в основном этот термин используется в контексте таких словосочетаний как: «дух места», «чувство места», а также и тот факт, что его использование часто носит в большей степени эмоциональный, чем научный характер. При этом теоретические возможности концепта «место», его значимость для архитектурно-строительной и дизайнерской практики по-прежнему во многом остаются неосмысленными.

Основная часть. Общий обзор научной литературы и публицистических материалов позволяет утверждать, что для ряда авторов концепт «место» – это возможность придать онтологическую глубину пониманию ландшафта, территории, архитектурного пространства и строительства. Для других – это просто путь к целостному видению объектов изучения и проектирования, к поощрению уникальности и разнообразия, а также способ отойти от глобалистских, унифицированных методов и вернуться к локальному масштабу и местным ценностям.

На сегодняшний день наибольший интерес к концепту «место» проявляется в рам-

ках архитектурной феноменологии и герменевтики (Кр. Норберг-Шульц (Ch. Norberg-Schulz), М.В. Морозов), социальной или гуманитарной географии (Э. Рельф (Edward Relph), Т. Крессвелл (Tim Cresswell), Дж. Малпас (Jeff Malpas), У.-Ф. Туан (Yi-Fu Tuan)), в рамках исследований средового поведения (Д. Симон (David Seamon)), в контексте работ связанных с проблемами сохранения и реставрации, а также проблемами города и городской среды (К. Линч, Д. Симон, Кр. Александер (Cr. Alexander)).

Все эти довольно разнохарактерные научные направления имеют общую теоретическую платформу, позволяющую им вовлечь в свой терминологический словарь понятие «место». Эту платформу составляют исследования в области когнитивной психологии (в частности работы Ж. Пиаже), философия гештальта, феноменология восприятия М. Мерло-Понтии, но наиболее значимая роль в ней, несомненно, принадлежит философии М. Хайдеггера и в особенности его феноменологии обитания.

«Обитание» – это та философская категория, которая увязывает сакральные смыслы бытия и физический мир пространств и вещей, мир непосредственной человеческой деятельности. Ее изначальная неразделенность на объективное и субъективное видение, ее обращенность к взаимодействию мира и человека открывает широкие возможности для исследований в области антропологии, культурологии, философии среды и ландшафта.

«Обитание» по М. Хайдеггеру – это способ пребывания человека на Земле. Обитать на Земле, под Небесами, перед Богами и среди Смертных означает схватывать свое бытие как вплетенное в нечеловеческое

(сверхчеловеческое) бытие. Место же позволяет обитанию проявиться, то есть дает пристанище подлинному бытию. Смертные всегда существуют -- обитают в силу своего пребывания при вещах и местах [1]. Таким образом, можно говорить о том что, Место является важнейшей категорией человеческой жизни.

Для определения Места по М.Хайдеггеру важно не само вмещающее пространство, Место не некая ниша в нем. Важен факт проявления обитания, через возвращение, через упорядочение вещей. Сам Хайдеггер иллюстрирует эту мысль на примере Моста, говоря о том, что не Мост возникает на Месте, а Место рождается с появлением Моста, Мост и есть Место [1]. То есть именно постройка, или в более широком смысле «Вещь» дает обитанию проявиться. «Вещью веществуется мир» [2]. «Вещи» как бы столбят пространство, являя его Человеку через Места.

За феноменом «вещи», кроются две важные категории, имеющие большое значение для дальнейшего развития философии места: «событие» и «имя» (впоследствии значимость этих категорий для феноменологии места и герменевтики архитектуры раскрыты И.В. Морозовым [3]) Событие, как действие вовлекающее вещь и человека, позволяющее прибывать бытию, и имя, как раскрытие и постижение смысла. Соборность события говорит о центростремительной сущности места, о важности для раскрытия его естества «близости». Имя говорит о постижимости места как целого, о возможности отличить его от иного, от того что извне. В дальнейшем развитии теории места это позволяет определять его как нечто внутреннее, ограниченное, свое по отношению к наружному, бескрайнему и чужому, а также отличное, обладающее уникальностью, обоснованное, адекватное и уместное, по отношению к безликому, однообразному и универсальному.

В философии М. Хайдеггера феномен «место» рисуется как сопряженный с понятием «дом», с актом обретения пристанища

и проявлением подлинной сущности. Впоследствии эта тенденция устойчиво связывает теорию места с вопросами ориентации (в самом широком смысле этого слова) через проблематику безопасности, как возможности обретения жизненной точки опоры, и идентичности, как возможности распознать и понять.

Важно также отметить, что в философии М. Хайдеггера зарождается дуализм пространства и места, обозначившийся как диалектика пустоты безграничных возможностей и акта созидания и заботы, диалектика свободы и, отмеченной выше, безопасности. Эта тенденция также получает широкое развитие в последующей теории места (например, в концепциях Т. Крессвелла, У.-Ф. Туана, Э. Рельфа). Более того для ряда авторов этот дуализм становится основной возможностью осмыслить феномен «место».

Помимо философии М. Хайдеггера важную роль, в теоретическом обосновании концепта «место» играет анализ непосредственного человеческого опыта общения с пространством. Причина этому, прежде всего, в том, что само понятие «место», будучи сложно определимым для научной и профессиональной лексики, является одновременно и доступным и емким для повседневного обихода (в отличие, например от терминов «пространство», «территория» или «ландшафт»). В обыденном сознании и пространство, и ландшафт интерпретируются нами, прежде всего, через конкретику событий, действий и явлений, а значит, представляются как совокупность мест, обладающих определенными значениями. Эта мысль развивается и поддерживается многими авторами посредством лингвистических изысканий (анализа генеалогии слов и фраз, связанных с топографией и местонахождением); через анализ поэтических, мифологических и художественных образов и структур [3,4,5,7]; с помощью изучения схем восприятия окружения [6,7] и методичного перечисления примеров непосредственного опыта переживания пространственных объектов [8].

Выраженность и значимость понятия «место» в повседневном опыте делают его важной категорией феноменологического подхода в географии, антропологии, архитектуре и средовом проектировании. Разумеется, что феноменологию мы здесь будем трактовать не как самостоятельную сферу мышления, обладающую конкретными объектами или тематикой исследований, а сам способ понимания, основанный на человеческой вовлеченности в мир, на рефлексии повседневного опыта и его «живых значений» [10]. То есть метод, названный Д. Симоном «радикальным эмпиризмом» [10].

На данный момент в мировой практике накоплен весомый пласт работ, посвященных феноменологии пространства, ландшафта и среды. Тематический диапазон этих исследований довольно широк: от изучения повседневного средового опыта отдельных групп (локальных, этнических, социальных) до поиска общего смысла связей человека и среды его обитания: от анализа феноменологии ландшафта конкретных регионов до общих универсальных принципов взаимодействия культурной среды и ландшафта. Но необходимо отметить, что сам теоретический концепт «место», а вернее его обоснование и определение, в них зачастую исчезает из центра исследовательского поля. «Место» понимается как феномен, априорно существующий и не требующий дополнительных пояснений, феномен, выражающий само собой разумеющиеся связи человека и мира. Интерес представляют скорее способы его существования в конкретной реальности, признаки его присутствия – отсутствия, принципы его развития и причины деградации.

Однако если же обратиться непосредственно к попыткам дать более или менее законченное определение феномену «место», необходимо упомянуть работы Т. Крессвелла [5], Д. Симона [10, 11] и Э. Рельфа [9, 12, 13]. По Д.Симону, например, смысл места кроется в «пространственно-временных привычках, укорененных в особом окружении» [11]. То есть «особое окружение», яв-

ляющееся важным для межперсональных связей, привязанностей, общения и обмена смыслами и следует понимать как место [11]. Схожее определение можно сформулировать, опираясь на работы Э. Рельфа, для которого место возникает там, где сеть культурных ценностей «касается земли и объединяет людей» [13]. Каждое место – это территория значений, вычлененная из пространства ее особыми средовыми качествами; историей и общей памятью, связанными с ней; интенсивностью смыслов, которые люди придают ей или извлекают из нее [13]. Точно так же и по Т. Крессвеллу: «место – это участок или территория, наполненная смыслом» [5].

Обобщив, можно сказать, что, во-первых, место, несомненно, является пространственным феноменом. Эту пространственность можно связать как с элементарным вопросом местонахождения (определения «точки на карте»), так и с вопросами характера среды, ее визуального образа.

По Т. Крессвеллу, например, это звучит как «location» (положение) и «locale» (локальные, местные черты) [5]. Пространственность в смысле особых, узнаваемых черт связана непосредственно с материальной основой места. Это осязаемые и воспринимаемые зрением характеристики, такие как строительные и пространственные типы (паттерны), стилистические приемы и детали, цветовые гаммы и материалы, предметное наполнение. Нужно понимать, что эта уникальная пространственность возникает, прежде всего, в диалоге между природным ландшафтом и конкретной культурой и определяется присущим ей способом «освоения природных ресурсов». Т. Крессвелл называет эту характеристику места «материальной основой социальных отношений» [5].

В дискурсе о пространственных характеристиках места большое значение приобретает категория «уникальности». Уникальность может рассматриваться как одно из основополагающих качеств места. Э. Рельф, в поисках понимания феномена «место» (place) прибегает к определению от против-

ного, и вводит представление об его антитезисе, о полном отсутствии места, «не-месте» (placelessness) [9]. «Не-место» – это выражение стандартного, однообразного, скучного, произведенного для масс, «место», соответственно, должно пониматься как нечто уникальное и особое. Разумеется, именно, уникальность позволяет нечто идентифицировать, отличить его от иного. Однако идентичность сложное явление, связанное не только с обособлением, но и с соотношением с подобным, уже знакомым. Поэтому сам Э. Рельф, говорит о том, что использование категории «уникальность» требует определенной осторожности, так как всякое стремление к абсолютной оригинальности, особенности чревато потерей связи с контекстом и распознаваемыми знаками и символами [12].

Второй важной составляющей в определении феномена места является людская активность, деятельность, или если пользоваться терминологией вытекающей из философии М. Хайдеггера – «событие», в котором и раскрывается подлинный смысл места. Каждодневные перемещения пешеходов и транспорта, производимые и продаваемые продукты, характеристики самих людей (их принадлежность к местному населению или туристам, их социальный статус, этническая, религиозная и половозрастная принадлежность) и наконец, их цели и занятия в данном месте – все это, наряду с особыми пространственными характеристиками среды, является неотъемлемой составляющей места, той особой атмосферы, характера, которые могут пониматься как его дух.

И третий фактор, без которого невозможно понять суть феномена «место», – это смыслы и значения, связанные с ним, переживания и чувства, им вызываемые. Кажется, что это наиболее сложный для анализа критерий, не имеющая четкого определения в силу своего эмоционального и, в определенной степени, субъективного характера. Не секрет, что вкладываемый смысл всегда

опосредован большим количеством факторов: прежде всего, культурным кодом воспринимающего, его жизненным опытом, конкретикой ситуации и пр. Однако речь здесь, прежде всего, идет не о единичных, эфемерных переживаниях, а о более или менее устойчивых образах и значениях, разделяемых различными по масштабу социальными общностями. Оговорка «более или менее устойчивые» связана с тем фактом, что смыслы и значения одного и того же места различны для различных культурных групп. Помимо этого, значение места может меняться со временем. Смысл и чувство места, несомненно, зависят и от его пространственного образа и от деятельности его наполняющей (о которых говорилось ранее). Важно так же учесть, что для понимания и оценки этого критерия история, прошлое места, имеет едва ли не большее значение, чем непосредственная реальность настоящего.

Заключение. Пространственность (материальность), деятельность, смыслы и значения лишь условно являются отдельными факторами в определении феномена «место». Место играет интегрирующую роль в человеческом опыте, поэтому и понимание его не может быть сведено к перечислению отдельных свойств и черт, к сумме определенных составляющих. Смысл его постигается лишь через целостность. М. Хайдеггер раскрыл экзистенциальную сущность этой целостности в своей феноменологии обитания, оставив при этом вопрос о том, возможно ли обитание сегодня, открытым [14]. Понимание внутренней природы, механизмов и законов, обеспечивающих становление и развитие этой целостности, на сегодня является актуальной задачей для различных специалистов, в том числе и для архитекторов.

Литература:

1. Хайдеггер, М. *Строить, обитать мыслить / Мартин Хайдеггер // Пер. с англ. С. Ромашко // ПроектInternational – 2010. – № 20. – С.176-189*
2. Хайдеггер, М. *Вещь / М.Хайдеггер //Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. - М.:Республика, 1993. – 447 с.*

3. Морозов, И.В. *Архитектурная герменевтика: Текстологические аспекты теории архитектуры*. – Мн.: Пейто, 1999 – 264с.
4. Malpas, J. E. *Place and Topography/ Environmental & Architectural /Phenomenology Newsletter* [Электронный ресурс]. – 2012 – Режим доступа: <http://www.arch.ksu.edu/seamon/malpas.html>. - Дата доступа: 22.02.2012
5. Cresswell, T. *Place: a short introduction*, Oxford, Wiley-Blackwell, 2004– 153с
6. Линч, К. *Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычев* – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с
7. Norberg-Schulz, Cr. *Existence, Space and Architecture* – Oslo, 1971 – 427 с.
8. Tuan, Yi-Fu *Space And Place: The Perspective of Experience*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977– 248с
9. Relph, E. *Place and placelessness*. – London: Pion, 1976 - 156 с.
10. Seamon, D. *A Lived hermetic of people and place: phenomenology and space syntax* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ksu.academia.edu/DavidSeamon/Papers/126848/A_Lived_Hermetic_of_People_and_Place_Phenomenology_and_Space_Syntax - Дата доступа: 22.02.2012
11. Seamon, D. *Theories of Place* [Электронный ресурс]. – 2012 – Режим доступа: http://ksu.academia.edu/DavidSeamon/Teaching/16600/Theories_of_Place Дата доступа: 22.02.2012
12. Relph, E. *Reflections on Place and Placelessness / Environmental & Architectural /Phenomenology Newsletter* [Электронный ресурс]. – 2012 – Режим доступа: <http://www.arch.ksu.edu/seamon/Relph26th.htm> - Дата доступа: 22.02.2012
13. Relph, E. *A Pragmatic Sense of Place/ Environmental & Architectural / Phenomenology Newsletter*[Электронный ресурс]. – 2012 – Режим доступа <http://www.arch.ksu.edu/seamon/Relph20th.htm>- Дата доступа: 22.02.2012
14. Каччари, М. *Эвпалинос или Архитектура / Массимо Каччари/пер. с англ. С. Ситар // ПроектInternational – 2010 - № 20, С.190-207*

THE ANALYSIS OF THEORETICAL CONCEPT "PLACE"

Belova O.V.

The main subject of this paper is notion «place», which is widely used in scientific literature of Western Europe and America (especially in papers of human geography, anthropology, architectural phenomenology). But it only becomes popular in Belarusian architectural theory.

Author of the article explores field and limits of this term's use.

Поступила в редакцию 26.04.2012

УДК 72. 036

«ЭКОНОМИЧНАЯ» СИСТЕМА ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖАНА-НИКОЛА-ЛУИ ДЮРАНА

Кожар Н.В., Нисс Е.В.

доктор архитектуры, профессор, Политехника Ченстоховска (Польша)
магистрант, кафедры «Теория и история архитектуры», БНТУ

В статье анализируются основные положения архитектурной теории Жана-Николя-Луи Дюрана (1760 – 1834), профессора Политехнической школы в Париже. Показана роль его учения в формировании рационалистического направления архитектурной теории первой половины XIX века.

Введение. В сборнике научных трудов «Архитектура» №3 авторами была представлена история развития рационалистических тенденций архитектурной мысли эпохи романтизма [1]. В контексте исследуемой тематики были изучены основные положения теории основателя рационалистического направления архитектурной мысли XIX века Жана-Николя-Луи Дюрана (1760 – 1834) (рис. 1) и его влияние на развитие региональной теории зодчества.

Данная публикация, посвященная анализу теоретической доктрины и методов проектирования Дюрана, продолжает начатое исследование.

Основная часть. Жан-Николя-Луи Дюран родился в Париже 18 сентября 1760 г. После окончания колледжа с 1776 г. он учился у Этьена-Луи Булле. Дюран прошел также курс обучения в Академии Архитектуры у Жульена-Давида Ле Руа и выполнил ряд конкурсных проектов на Гран-при Академии под руководством Рудольфа Перро.